

Про МОТИВЫ и МОТИВИРОВКИ

Гражданские конфликты глазами психолога

Вы привыкли считать, что вы миролюбивая, уравновешенная и в целом цивилизованная личность? А вот и нет – вы агрессор. Сама агрессия – неотъемлемое свойство любого живого существа, являющееся естественным способом его адаптации. По мнению доктора психологических наук заведующего кафедрой психологии факультета философии и социальных наук БГУ И. Фурманова, именно эта черта во многом задает атмосферу, складывающуюся в современных социумах. И мы сильно ошибаемся, полагая, что указанная сущность человека претерпела серьезные изменения с тех пор, когда наши предки ходили в звериных шкурах и то и дело вступали в смертельные схватки с хищниками.

Сперва категоричность профессора несколько обескураживает. Он утверждает, что практически в каждом человеке, независимо от пола, возраста и темперамента, дремлет зверь, готовый внезапно вырваться наружу. Да, мы держим себя в рамках приличия, привитых культурой, традициями, сложившимися нормами поведения и воспитанием. Большую роль в обуздании агрессивных инстинктов играют страхи и ожидание негативных последствий, которыми мы окружены, в частности, страх уголовного наказания или боязнь получить достойный отпор. Но стоит этим барьерам дать трещину – и стихия агрессии явит себя во всем своем первозданном обличи.

Более того, по словам Игоря Александровича, задавшись целью, из любого человека можно сделать садиста, изувера, палача. К примеру, специалисты прекрасно осведомлены о существовании пошаговых методик превращения обычного человека в убийцу. На первый взгляд, это звучит неправдоподобно. Профессору хочется возражать: как же так, мы же воспитаны на убеждениях, что высокоморальный человек даже под гипнозом не способен на противоправное действие. Но тут же перед глазами встают сцены транслируемых по всему миру с помощью средств массовой коммуникации XXI века средневековых казней, которые приводят в исполнение выходцы из благополучных западноевропейских

семейств, и слова возражения так и остаются невысказанными. Тем более что сама череда некогда точечных вооруженных конфликтов сегодня разрослась настолько, что уже опоясывает большую часть мира и того и гляди грозит слиться в один большой пожар. Надо сказать, подобная реальность придает утверждениям о тотальной агрессивности человеческого рода весомости и убедительности.

Правда, профессор Фурманов оговаривается: исключения существуют, и всегда есть люди, до конца сохраняющие веру в незыблемость моральных принципов. В качестве иллюстрации он приводит песню Владимира Высоцкого «Тот, который не стрелял». Как известно, в ней идет речь о расстрельном взводе, один из бойцов которого так и не смог нажать на курок, несмотря на все кары, грозившие за это уже лично ему. Но, как следует даже из названия произведения, такой оказался один в подразделении, состоящем из 10–12 человек. И вот великая сила искусства: оно в художественной форме позволяет судить о подлинном соотношении тех или иных типов личностей в реальной жизни. Как видим, количество, условно говоря, праведников сравнительно невелико. Большинство же под влиянием неблагоприятных обстоятельств ломается, и истинная сущность индивидов может обнажаться весьма неблагоприятным образом.

Самым ярким примером воплощения нечеловеческих условий, где с соблюдением морально-нравственных принципов возникают наибольшие проблемы, была и останется война. Неудивительно, что в ее ходе с большинства людей слетает все наносное, искусственно привитое, и они начинают деградировать. Тут срабатывает правило: с волками жить – по-волчьи выть. Включаются инстинкт самосохранения и его древние механизмы в виде агрессии. Впрочем, то же самое происходит не только во время боевых действий, но и любых глобальных общественных катаклизмов – экономических кризисов, голода, эпидемий. Как раз того, что мы наблюдаем вокруг себя сейчас, не правда ли? Не случайно в Интернете то и дело проскакивают сообщения об участившихся случаях такого без преувеличения пещерного явления, как каннибализм, причем отнюдь не в африканских джунглях, а в самых что ни есть мегаполисах. Стоило лишь слегка зашататься опорам цивилизации, как не замедлили проявить себя признаки ужасающего первобытного варварства.

Просто на войне все мыслимые бедствия сосредоточены наиболее концентрированно. Мало кто в такой ситуации способен остаться стопроцентно верным своей человеческой сущности. Некоторые в стремлении ее сохранить стараются как-то уйти от

невыносимой ситуации. Одной из попыток своеобразного ухода является, в частности, дезертирство. Но есть и те, которые оказываются в состоянии приспособиться к подобным условиям, и они для них становятся нормальными. Зато в результате подобной адаптации для таких людей становится ненормальной уже обычная жизнь. В итоге после окончания войн (переворотов, революций) они, будучи не в состоянии вписаться в мирную обыденную повседневность, могут попытаться – и пытаются – спровоцировать переворот, вооруженный мятеж и так далее, желая вернуть означенным образом среду, ставшую для них нормальной. Вероятность успешной реализации таких сценариев возрастает, если люди с описанной психологией объединяются в группы, да к тому же у них появляется лидер. Так рождаются профессиональные революционеры: Троцкий, Че Гевара, видящие смысл своего существования в экспорте революции. А в сущности они, если верить психологам, те же агрессоры, и даже, страшно сказать, – садисты.

Но как же так, нас ведь всегда учили, что революции делают романтики, мечтающие о справедливости и благе для всего человечества? Игорь Фурманов поправляет: романтиками являются идеологи революции: Сен-Симон, Оуэн, Ленин

и другие. Но они не могли бы прийти к власти в отсутствие боевого крыла любого мятежа. Применительно к революции 1917 года в России в его качестве выступали, скажем, вооруженные матросы. Утопические же идеи о свободе, равенстве и братстве в таких случаях обычно служат ширмой, за которой личности, склонные к насильственным действиям, прячут истинные движущие силы своих поступков. Игорь Александрович употребил для характеристики этого приема образное сравнение: так свалку строительного мусора нередко маскируют забором с красочной рекламой. Потому что утопические идеи, как правило, неосуществимы в принципе. Насчет относительности свободы И. Фурманов переадресует интересующихся к философам. Равенства, по его словам, в природе не бывает вообще, поскольку все мы изначально разные, мы так созданы. Что же касается братства, то оно, похоже, оказывается очередным мифом, развенчание которого, причем весьма болезненное, происходит в настоящее время на наших глазах в соседней Украине.

Пытаться разобраться в истинных побудительных мотивах участников гражданских конфликтов, в которых они порой и сами с трудом отдают себе отчет, дело довольно неблагодарное. Не случайно, напоминает И. Фурманов, во времена октябрьской революции и последовавшей гражданской войны было совсем не редкостью, когда половина выросших в одной семье братьев воевала за белых, а другая за красных, и все это – с величайшим ожесточением. А главное – под «правильными» лозунгами.

Вообще же агрессивные течения прикипают, как правило, к любой достаточно привлекательной идее, будь то религия, борьба за социальную справедливость, права меньшинств или национальное возрождение. На ум сразу приходят средневековые религиозные войны в Европе, современный исламский радикальный фундаментализм. Не секрет, что своего рода боевые отряды были даже у феминистских течений, провозгласивших благую цель освобождения женщин от социального и классового угнетения в начале прошлого века. Да что там религии и учения! – И. Фурманов наглядно демонстрирует тенденцию разделения на «законопослушную массу» и «боевое крыло»

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

Игорь ФУРМАНОВ,
заведующий кафедрой
психологии факультета
философии и социальных
наук БГУ, доктор
психологических наук,
профессор:

– Уровень агрессии в постсоветских обществах в целом не просто весьма значителен – он буквально зашкаливает. Приметы этого профессиональному взгляду заметны буквально на каждом шагу, поэтому риск развития ситуации по драматическому сценарию весьма высок. С этой точки зрения логика вооруженного конфликта в Украине – частный случай проявления общей тенденции, не более того.

Причем я категорически не согласен с попытками объяснить вовлеченность в гражданское противостояние экономическими причинами – дескать, в условиях кризиса и падения уровня жизни мужскому населению ничего не остается, кроме как братья за оружие в стремлении хоть таким способом прокормить семью. Как психолог я могу уверенно говорить о том, что никогда гражданский по своей сути человек, а таких большинство, по собственной воле не воспользуется подобным способом разрешения своих материальных затруднений. Да и массовая безработица – не более чем вымысел: газеты и Интернет пестрят разнообразными предложениями трудоустройства. Даже если кто-либо обладает особо редкой специальностью и по этой причине не может найти себе применение на родине, он всегда может прибегнуть к трудовой миграции. К слову, многие граждане постсоветских стран так и сделали, но они же не пошли убивать других пропитания ради.

Очевидно, что главные истоки создавшегося положения в другом. Невыплеснутая злость и агрессия имеют социальное происхождение. По моим наблюдениям, они поколением копились у людей, многие десятилетия живших на территории бывшего СССР в условиях тотальной несвободы, когда они не имели возможности безбоязненно выражать свои мысли, делать, что им хочется, и ездить, куда вздумается. Если кто-то полагает, что два

с лишним десятка лет, прошедших после развала Союза, – достаточный срок для преодоления последствий этого прессинга, он глубоко заблуждается.

Не менее вредный миф – о большей или меньшей предрасположенности к агрессивному поведению по этническому признаку. Конечно, когда вооруженные конфликты происходили за тысячи километров, был велик соблазн списать их проявления на особенности незнакомого менталитета. Но сегодня все вдруг как-то резко приблизилось.

Да и история свидетельствует, что менталитет никак не связан с уровнем агрессии, это скорее биологическое свойство. Возьмите ту же Европу, в цивилизованности которой, думаю, никто не сомневается. Кто мог подумать, что в рамках немецкой культуры, давшей миру таких гениев, как Гете, Гейне, Вагнер и множество других, зародится фашизм. И не просто такой, как в Италии или, например, в Испании, а именно в том виде, в каком мы его знаем: с концентрационными лагерями, с поставленным на поток массовым уничтожением ни в чем не повинных людей.

Не исключено, что именно это наряду с другими кровавыми уроками истории подтолкнуло западные страны к реальному внедрению конституционно приемлемых механизмов разрядки общественной агрессии. Во время поездки в Испанию мне как-то пришлось наблюдать демонстрацию пенсионеров с требованием повышения пенсии. Выглядело это так: идут несколько десятков не слишком молодых людей с плакатами. Их сопровождает полиция: спереди и сзади машины с мигалками, по бокам полицейские – во избежание инцидентов. Пенсионеры прошли 200 метров, как им было разрешено, и разошлись по домам. Не факт, что их требования будут выполнены, скорее наоборот. Но цель достигнута – пар в очередной раз был выпущен, и снова воцарилось общественное спокойствие. Не верьте тому, кто говорит, что на Западе нет проблем с человеческой агрессией – их там ничуть не меньше, чем у нас. Но отличие в том, что они уж точно сделали выводы из своих и наших революций и стараются предпринять все для того, чтобы гильотины на площадях, быть может слегка модернизированные, снова не стали реальностью. Полагаю, что преимущественно к этому и сводится вся тамошняя демократия.

такого, казалось бы, безобидного явления, как фанатское движение.

Что такое классический футбольный фанат в общепринятом представлении? Это субъект, который, объединяясь с единомышленниками либо в одиночестве, покупает порцию пива и усаживается перед телевизором поболеть за любимый клуб, реже – ходит на стадион. Особо рьяные могут носить шарфик или какой-либо иной атрибут, раскрашенный в цвета любимой команды. Но в последнее время в футбольном движении выделяется агрессивное направление, для представителей которого собственно игра – не более чем предлог. Они приходят на соревнования с целью устроить побоище, а порой – спровоцировать массовые беспорядки. Но если бы они занимались этим безо всякой увязки со спортом, отмеченные действия назывались бы просто хулиганством или даже бандитизмом и расценивались соответственно. «Участие в фанатском движении» – звучит гораздо красивее.

Так или иначе, нужно отдавать себе отчет: и то, и другое, и третье – не что иное, как выражение протеста против окружающей действительности при неспособности изменить ее другими средствами. Естественно, большинство здравомыслящих людей не может не волновать вопрос, как удержать данные процессы в общественно приемлемых рамках. Особенно это актуально во времена трансформаций, перехода от одних общественных систем к другим, или, как сейчас модно выражаться, перереформирования глобального мироустройства.

К счастью, успокаивает профессор психологии, процент личностей, склонных к крайне агрессивным и, соответственно, небезопасным для окружающих формам проявления несогласия с окружающей действительностью относительно невелик. Пожалуй, он сопоставим с числом условных «праведников». Несколько больше количество личностей, склонных к умеренному экстриму. К ним принято относить любителей острых ощущений. В мирной жизни они ищут их, карабкаясь на Эверест, прыгая с тарзанкой или с парашютом с Эйфелевой башни. Как объясняют психологи, такое стремление к балансированию на грани жизни и смерти вызвано желанием к получению удовольствия подобным

нетривиальным образом из-за неспособности достичь его более стандартными методами.

И. Фурманов предлагает способ, помогающий навскидку определить удельный вес таких экстремалов, наблюдая за велосипедистами. Тогда как подавляющее большинство любителей этого вида досуга спокойно едет по отведенной дорожке, любители острых ощущений прыгают на своем двухколесном коне через парапет и норовят выполнить другие акробатические трюки. Вооруженный конфликт в пределах досягаемости привлекает подобного рода экстремалов: ведь там не нужно искусственно создавать опасные ситуации, смерть всегда бродит рядом. Нетрудно заметить, что личности описанного типа также находятся в меньшинстве.

Большинство же социума, как всегда, составляет инертная масса. Ее представителям для выплескивания своих эмоций обычно достаточно нацепить тот же шарфик или – в качестве варианта – прикрепить над стеклом автомобиля георгиевскую ленточку. Наиболее неугомонные из этой категории могут выйти помаршировать перед посольством с плакатами.

Но общественное внимание приковано как раз к первым двум группам – именно из-за шокирующих для обывательского сознания форм выражения их протеста. А потому мы попросили Игоря Александровича

проанализировать с точки зрения психологии реальных и потенциальных участников вооруженных гражданских конфликтов, добровольно присоединившихся к боевым действиям.

Сразу сделав оговорку по поводу недостаточности информации, профессор сходу охладил пыл дилетанта-исследователя от психологии. Судя по ощущению и собственному опыту, большинство воюющих в «горячих точках», будь то в ближнем или дальнем зарубежье, делают это хотя и на добровольной основе, но отнюдь не бесцельно. Таким образом, к ним скорее применим термин «наемники».

Вопреки распространенному мнению, людей, готовых таким способом зарабатывать, достаточно в любой стране, в том числе на постсоветском пространстве. Игорь Фурманов напоминает об отголосках афганской войны. Они совершенно ошибочно считаются изжитыми. Тогда в результате боевых действий в мирную жизнь были выброшены десятки тысяч молодых людей, в 18 лет призванных в армию и в результате не получивших никакого опыта, кроме боевого. Адаптироваться в послевоенной реальности сумели не все. Те, кому это не удалось, наряду с представителями криминалитета пополнили ряды организованных преступных групп, во множестве появившихся в 90-е годы прошлого века. Потом грянули чеченские войны – также с соответствующими социальными последствиями. Не следует думать, что все, имеющие опыт участия в боевых действиях, – профессиональные убийцы. Правильнее называть их профессиональными военными. Среди них может быть представлен довольно значительный контингент людей, имеющих специальную подготовку, например, снайперы, разведчики, подрывники. Таким знаниям и умениям довольно сложно найти применение вне военного контекста. Вот эти люди и пополняют ряды «солдат удачи» в вооруженных конфликтах, в изобилии вспыхивающих по всей планете, а в последнее время – в непосредственной близости у наших границ. Среди таких профессионалов встречаются выходцы из самых разных стран – от бедных и развивающихся до тех, которые принято называть демократическими и цивилизованными.

Ко второй категории участников гражданских конфликтов, безусловно, следу-

ет отнести приверженцев тех или иных идеологических воззрений и установок. Это могут быть религиозные фанатики, особо рьяные сторонники националистических течений, последователи различных общественно-философских учений и так далее. Люди, не разделяющие подобных крайних взглядов, довольно уничижительно характеризуют их носителей как подвергшихся «промыванию мозгов». Тем не менее влияние данного движущего фактора недооценивать не приходится. Известный пример идеалиста такого рода – великий английский поэт Байрон, отдавший жизнь за освобождение далекой Греции.

Но при оценке роли идейной составляющей в возникновении и развитии конфликта следует учитывать ряд особенностей. Дело в том, что по мере вовлечения в боевые действия на войне неизбежно включается самовоспроизводящийся механизм так называемого реактивного насилия. Иначе говоря, у кого-то убили друга, он обязан ответить тем же, и так далее. Эта мстительная компонента присоединяется к движущим факторам войны вне зависимости от того, какими бы благими мотивами субъект ни руководствовался изначально.

Кроме того, И. Фурманов предлагает четко разделять понятия «мотив» и «мотивировка». Они оба присутствуют в психологии, но если под мотивом принято понимать глубинные побуждения к каким-либо действиям, то мотивировка – это фактически вывеска, призванная прикрыть тот самый мотив, порой весьма алчный и низменный. Ведь не секрет, что убийство людей за деньги, а тем более удовольствие ради – социально неодобряемое действие. Ситуация кардинально меняется, если объявить, предположим, что цель поездки на войну – защита женщин и детей. Стоит ли удивляться, что многие так и поступают.

О существовании определенного процента людей, по своей природе склонных к риску, уже говорилось. С большой долей вероятности они могут присутствовать среди участников вооруженных конфликтов. Еще одну категорию находящихся в подобных зонах И. Фурманов условно называет «дурачками». Это те, кто рассуждает: а давай-ка я поеду туда и посмотрю, что и как, будет что ребятам рассказать. Причем у таких людей начисто отсутствует понимание, что

они едут на войну со всеми вытекающими последствиями. Однако зона боевых действий – это не то место, где можно стоять, открыв рот, и смотреть, как по тебе бьет артиллерия или стреляют снайперы. А если такие зеваки все-таки добиваются своей цели и попадают на территорию развертывания конфликта, то в противостоянии с обученными людьми с соответствующим опытом они просто обречены стать пушечным мясом.

Психолог еще раз обращает внимание на неполноту и условность классификации побудительных факторов вооруженных противостояний, а также на тенденцию к их переплетению. И это дает профессору основания для следующего вывода: непрофессионалам принимать в них участие однозначно противопоказано. Данный вердикт специалиста абсолютно категоричен еще и потому, что большинство возникавших на наших глазах конфликтов развиваются в направлении хаотизации и постепенно происходящее там выходит из-под какого-либо контроля. Попытки вернуть все в нормальное русло обычно оказываются безуспешными: принимаются решения о прекращении боевых действий и перемириях, но их никто не торопится выполнять. Появляются полевые командиры, которые не подчиняются никакой власти, в том числе центральной. Как правило, вооруженные люди разбиваются на различные группировки, которые начинают выяснять отношения уже между собой. И это еще более затрудняет поиск и вычленение подлинных мотивов.

И лишь один из них является безусловным оправданным и с моральной, и с психологической точки зрения: когда человек берет в руки оружие для защиты своей земли, своего дома, своих женщин, стариков и детей. Кстати, он же в конечном счете оказывается залогом победы для одной из противоборствующих сторон. Потому что вся история человечества доказывает: никакое самое технически совершенное и высокоточное оружие не может служить гарантией силового превосходства. Как и задолго до появления самого понятия о научно-техническом прогрессе, в начале третьего тысячелетия войны и конфликты в итоге выигрывают люди, обладающие преимуществом моральной правоты.

Галина МОХНАЧ